

Голод 1946-1947 года и его последствия в Сталинградской области

Кузнецова Анна, ученица 10
класса МБОУ СОШ № 4
городского округа г. Урюпинск

Руководители:
Кусаинова Елена Викторовна,
Кусаинов Андрей
Александрович, учителя
истории и обществознания
МБОУ СОШ № 4
городского округа г. Урюпинск

Окончание Великой Отечественной войны воспринималось советским народом как Великая Победа и начало новой, счастливой жизни. Но страна переживала после долгой войны тяжелый экономический кризис, отразившийся на всех сторонах жизни народа. Особенно тяжело отразились на жизни людей голодные 1946-1947 годы.

Проблема голода 1946-1947 гг. стала изучаться с начала 1990-х годов в связи с обострением социально-экономической ситуации в стране и рассекречиванием архивных документов и материалов, превратившись в одну из самых актуальных в послевоенной истории. Благодаря исследованиям историков стали очевидными основные причины происшедшего: послевоенные трудности, засуха 1946 г., политика продразверстки в отношении колхозов и совхозов, недостаточная государственная помощь голодавшим в связи со стремлением руководства страны сохранить запасы на случай новой войны[1]. Следует признать, что определение масштабов голода и количества пострадавших крайне сложно в связи с недостатком полноценных статистических материалов.

Более точному определению поддаются другие последствия голода 1946-1947 гг.: миграция сельских жителей в крупные города; распространение заболеваний дистрофией, ангиной, тифом; демографический спад, сокращение числа браков, увеличение количества разводов, уменьшение рождаемости и повышение смертности населения; рост детской беспризорности; усиление

преступности. До настоящего времени слабо изучена деятельность местных органов власти в условиях голода и работа детских и лечебно-профилактических учреждений.

Целью данной работы является выявление причин и динамики развития «голодной трагедии» в одной из самых пострадавших во время Великой Отечественной войны областей - Сталинградской.

Источниковую базу исследования составили документы и материалы Государственного архива и Центра документации новейшей истории Волгоградской области. Справки и отчеты Областного управления сельского хозяйства дали возможность судить об урожайности зерновых культур в 1945-1947 гг. В фонде облстатуправления содержатся подробные сведения о естественном и механическом движении населения. Особо важное значение имеют обзоры, справки, месячные и годовые отчеты, докладные записки областного и Сталинградского городского отделов здравоохранения, лечебно-профилактических и детских учреждений, позволившие выяснить содержание их работы, динамику заболеваемости в области и основные причины смертности населения.

Следует отметить, что данные источники требуют критического анализа, поскольку Советское правительство официально не признавало наличие голода в стране. Многие данные о распространении заболеваний в области сильно занижены. Поэтому для нашего исследования важное значение имеют письма жителей Сталинградской области, раскрывающие тяжелую правду о ситуации в регионе. Тем не менее, комплексное изучение источниковой базы позволяет проанализировать ситуацию, сложившуюся в 1946-1947 гг. как в Сталинграде, так и в сельских районах области.

Сельское хозяйство СССР выдержало тяжелейшие испытания войны. В течение четырех лет при недостатке рабочей силы, техники оно обеспечивало самые необходимые потребности страны в продовольствии. Величайшее напряжение военного времени сказывалось и в мирных условиях. В первый послевоенный год сельское хозяйство вступило ослабленным. Была

существенно подорвана материально-производственная база колхозов и совхозов. Резко сократились трудовые ресурсы деревни[2].

В сложных условиях развертывалось восстановление сельского хозяйства страны, особенно в освобожденных от оккупации областях. В 1946 г. восстановительные работы только начинались. Положение в сельском хозяйстве оставалось тяжелым. Оно было еще более осложнено сильной засухой.

Засуха, охватившая Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ привела к тому, что государственные заготовки зерна в СССР в 1946 сократились на 13% по сравнению с 1945 г. В Сталинградской области, находившейся в засушливой зоне, валовой сбор зерновых культур в 1946 г. составил 50% к итогам предыдущего года[3].

Ценой величайших усилий, самоотверженного труда, лишений колхозного крестьянства, всех тружеников сельского хозяйства в 1946 г. удалось создать продовольственный фонд, позволяющий при экономном, разумном его распределении удовлетворить самые необходимые потребности страны. Однако нельзя забывать, что цена этой жертвенности, самоотверженности была страшно дорогой, а ее последствия сказываются и в наши дни.

Собранный продовольственный фонд был примерно вдвое меньше, чем в 1940 г.: вдвое меньше удалось заготовить хлеба, картофеля, овощей, меньше было закуплено и продуктов животноводства. А потребности страны, количество едоков мало отличалось от предвоенных лет. Этот фонд необходимо было сохранить и использовать с величайшей бережливостью и продуктивностью.

С 1 октября 1946 г. правительство СССР стало проводить политику экономии хлеба, осуществлявшуюся в основном за счет сельского населения. Число сельских жителей Сталинградской области, получавших продовольственные карточки, уменьшилось в 6 раз. Оплата трудодней деньгами осталась прежней - 88 копеек. В среднем в год каждому колхознику

выдавалось 52 кг зерна и 208 руб. (на эти деньги можно было купить 6-7 буханок хлеба на рынке).

Многие колхозники израсходовали заработанное зерно и личные запасы продуктов уже к декабрю 1946 г., в связи с чем использовали в пищу различные суррогаты - желуди, корни растений и т.п.[4]. С начала декабря 1946 г. в Сталинградский обком ВКП(б) стали поступать сигналы о бедственном положении части крестьян, учителей и их детей, в первую очередь тех, чьи родители погибли на фронте или вернулись с войны инвалидами.

29 декабря 1946 г. обком партии ходатайствовал перед председателем Совета Министров СССР И.В. Сталиным об обеспечении колхозов и совхозов семенами и оказании продовольственной помощи колхозникам. Но не получил ответа, хотя находившимся в лучшем положении соседним областям – Воронежской и Тамбовской такая ссуда была дана.

В январе 1947 года число голодавших в области увеличилось. В Березовском, Дубовском, Нижне-Добринском, Фроловском и других районах имелись целые семьи, опухшие от недоедания. В Еланском районе на грани жизни и смерти находилось 32, в Вязовском - 70, в Верхне-Курмоярском - 120 семей. Часть отчаявшихся крестьянских семей покинула свои родные места. Крестьяне переезжали в основном в сравнительно благополучные районы Сталинградской области – Медведицкий, Урюпинский, Черноярский. Большую тревогу вызывал уход из деревни демобилизовавшихся участников Великой Отечественной войны, на которых, как на силу, способную помочь в возрождении колхозов, возлагались большие надежды.

Экономия зерна проводилась и за счет городских жителей. С октября 1946 г. с нормированного снабжения были сняты неработающие взрослые иждивенцы, кроме учащихся[5]. Также правительство повысило цены на хлеб в 2-3 раза, что резко ограничило покупательную способность населения. Заработная плата рабочих снизилась почти вдвое, при средней зарплате молодого рабочего 200 рублей в месяц, питание в заводской столовой обходилось в 8-9 рублей в день. При предприятиях и учреждениях поощрялось

создание огородов, без которых выживание рабочих становилось невозможным. Рабочие жаловались на упадок сил. Были случаи, как вспоминают современники, когда от недоедания падали в обморок прямо у станка[6].

Из письма жительницы Сталинграда Г.В. Буровой «4. XI. 1946 г. ...Бабушка у нас сильно болеет. Она и все мы опухли, уже три дня сидим голодные. Когда кончатся эти мучения? Хоть бы поесть горячего, тогда можно умирать, а голодным умирать не хочется. Хлеба по карточкам стали давать меньше: дети получают по 150 грамм, а мама с бабушкой по 100 грамм. Мы варим себе что-либо, когда получаем зарплату, а потом ждём следующей» [7].

На 1 сентября 1946 г. в Сталинградской области находилось 34 детских дома, где размещалось 4449 детей. Из них детские дома общего типа – 22 на 2300 детей, специальные детские дома – 12 на 2150 детей[8]. Детские дома постепенно переводились из приспособленных помещений в специальные здания, построенные по типовым проектам. Улучшалось снабжение топливом, мебелью, кухонной и столовой посудой, детской одеждой. Предпринимались меры по улучшению снабжения детских домов продуктами питания и инвентарем. Проблему нехватки продовольствия в трудные послевоенные годы позволяли решать развитые подсобные хозяйства, в которых выращивали фрукты и овощи, а также держали домашнюю птицу и мелкий рогатый скот. Хорошие подсобные хозяйства имели Алексеевский специальный детский дом, Песковский, Руднянский, Медведицкий, Белопрудский, Нижне-Чирский детские дома. Воспитанники активно участвовали в работе подсобного хозяйства, а также получали профессионально-трудовую подготовку в производственных мастерских.

В целях постоянного контроля за работой государственных попечительских учреждений два раза в год проводились глубокие проверки состояния учебно-воспитательной работы и ревизия финансово-хозяйственной деятельности каждого детского дома. Обкомом ВКП(б) вменялось в обязанности секретарям РК ВКП(б), председателям исполкомов райсоветов и заведующим районо осуществлять личный

контроль за состоянием работы детских домов и принимать необходимые меры к созданию нормальных условий детям, потерявшим родителей. В обязанности областного здравоотдела входило обеспечение медицинского обслуживания воспитанников детских домов, выделение необходимого количества медицинского персонала и медикаментов. Больных детей, подлежащих приему в детские дома, необходимо было в обязательном порядке госпитализировать в существующей сети лечебных учреждений и направлять детей в детские дома только после их выздоровления. Городская шефская комиссия, созданная в 1943 г. и включавшая в себя работников районных отделов образования, здравоохранения, представителей районных комитетов ВЛКСМ, выделила средства на питание детей, находящихся на патронате и опеке. Предприятия и общественные организации, взявшие на себя часть ответственности за детей-сирот, оказывали существенную поддержку системе государственных попечительских учреждений. Во многом благодаря им детские учреждения смогли обеспечить воспитанников самым необходимым.

Тем не менее, уменьшение пайков, рост цен на продовольствие, изменения в составе хлеба привели к ограничению потребления продуктов, ухудшению структуры питания, снижению его калорийности. В наиболее тяжелом положении оказались учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО, студенты, низкооплачиваемые рабочие, лица преклонного возраста и инвалиды. Продовольственные трудности сопровождались ростом заболеваемости населения.

Таблица 1. Инфекционная заболеваемость в Сталинградской области в 1945-1945 гг.[9]

№	Наименование заболеваний	1945 год	1946 год	1947 год
1	Сыпной тиф	888	490	522
2	Брюшной тиф	1143	1058	788
3	Дизентерия	849	602	1210

4	Токсическая диспепсия	207	532	1014
5	Корь	5810	8343	6907
6	Скарлатина	813	2665	952
7	Дифтерия	718	532	558
8	Коклюш	-	1019	2300
9	Малярия	125692	-	52047
10	Грипп	86444	80088	74612

Самыми распространенными инфекционными заболеваниями в первые послевоенные годы были грипп, малярия и болезни желудочно-кишечного тракта. В 1947 г. медицинским органам удалось добиться снижения заболеваемости населения гриппом и малярией, хотя ее уровень оставался высоким. От желудочно-кишечных инфекций пострадали в первую очередь дети, что обусловило высокую смертность детей [10].

Ухудшение питания способствовало также распространению туберкулеза и дистрофии. Изучение документов местных архивов показало, что в сельских районах области не велся учет дистрофиков, а в горздравотделе Сталинграда имеются материалы о дистрофических заболеваниях и мерах по их преодолению, рассекреченные в последние годы. Так, 10 января 1947 г. заведующая горздравотделом Ф.М. Ямпольская докладывала в обком партии, что «по неполным данным по городу учтено 297 случаев дистрофии, из которых 9 - с летальным исходом. Терапевтические отделения больниц стали заполняться больными дистрофией»[11].

13 февраля 1947 г. бюро Сталинградского горкома рассмотрело вопрос «О неотложных мерах по профилактике и локализации дистрофии». Оно утвердило план мероприятий, который предусматривал создание профилакториев с усиленным питанием. По решению властей в области было увеличено число участковых педиатров и школьных врачей. Обеспечение питанием маленьких детей-дистрофиков было возложено на молочные кухни. Важная роль в спасении детей из малообеспеченных семей отводилась детским яслям.

Несмотря на самоотверженный труд работников яслей, физическое состояние многих детей оставалось тяжелым: 22% болело рахитом, заболеваемость инфекционными болезнями составляла 82 %. Смертность в яслях достигла в 1947 г. 12% среди детей в возрасте до 3 лет. Главной причиной высокой смертности в яслях явилось то, что в них находились дети из социально неблагополучных семей, наиболее пострадавших от голода [12].

Рост заболеваемости населения требовал ускорения восстановления и расширения работы лечебно-профилактических учреждений. Из-за военных разрушений, в особенности в оккупированных районах области, большинство из них находилось в малоприспособленных помещениях. По действовавшим тогда нормам на 1000 жителей должно было приходиться 9 больничных коек, а имелось лишь 6. Вследствие этого больницы были переуплотнены и не все нуждавшиеся получали возможность госпитализации.

В 1947 г. улучшилась оснащенность медицинских учреждений необходимыми медикаментами. Вместе с тем, по-прежнему не хватало инвентаря, медоборудования, перевязочных средств, что затрудняло работу медиков.

В течение 1947 г. увеличилось число врачей, как в областном центре, так и в районах за счет выпускников Сталинградского мединститута.

Тем не менее, в 1947 г. возросло количество больных, в 2 раза повысилась летальность. Во столько же раз возросло число выписанных «без перемен в состоянии здоровья». Эта формулировка применялась в отношении безнадежных больных, отправленных домой с целью освобождения мест для нуждавшихся в экстренном лечении или для того, чтобы не повышать процент летальности.

В отчетах главврачей больниц говорилось, что больные поступали «в крайне тяжелом состоянии, часто с явлениями элементарного истощения, которое усугубляло течение основного заболевания» [13]. В характеристике состояния больных много общего: резкое истощение, отсутствие подкожного жирового слоя, нитевидный пульс. У некоторых отмечались отеки нижних

конечностей и атрофия мышц, многие находились в бессознательном состоянии. Из письма жителя Нижне-Чирского района Сталинградской области П.К. Варыкина «20. XI. 1946 г. ...Мы сейчас не живём, а существуем. И когда только кончатся эти мучения? Мы уже начали пухнуть, переживаем страшный голод, смерть стережёт нас»[14].

В связи с употреблением суррогатов населением увеличился объем работы в хирургических отделениях больниц. Из письма Л.И.Ленькова, жителя с. Упорники Нехаевского района «13. XI. 1946 г. ...Я ем сейчас жёлуди, хоть и запрещают их есть, так как от них погибло много людей, но больше есть нечего, так жить дальше не могу» [15].

Общее количество умерших в Сталинградской области в 1947 году увеличилось по сравнению с 1945 г. на 62%. Таким образом, голод и связанные с ним болезни стали причиной значительного роста смертности населения.

В 1947 г. изменилось соотношение родившихся и умерших детей. В 1947 г. число родившихся сократилось по сравнению с предыдущим годом на 2 %, что свидетельствует о зависимости рождаемости детей от продовольственного положения. Снижение материального уровня жизни людей сопровождалось негативными тенденциями в семейно-брачных отношениях. В голодном 1947 г. число заключенных браков сократилось в области на 22%. Для 1945-1947 гг. характерно минимальное количество разводов, что объясняется особенностями послевоенных лет.

Таким образом, в результате военных разрушений, засухи 1946 г., изъятия основной массы произведенного зерна, политики жесткой экономии хлеба, население Сталинградской области в конце 1946-1947 гг. было обречено на полуголодное существование, а часть людей – на смерть. Меры, принятые местными органами власти в 1947 г. способствовали смягчению голода, но не смогли остановить его. Ценой перенесенных испытаний стала гибель тысяч людей, спад послевоенной волны компенсаторной рождаемости.

Список источников и литературы

1. Волков И.М. Засуха, голод 1946-1947 гг./И.М.Волков//История СССР.- 1991.-№4.- С.94.
2. Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945-март 1953): Сб. документов/ В.П.Попов.- М.,- 1993.-С.32.
3. Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945-март 1953): Сб. документов/ В.П.Попов.- М.,- 1993.-С.33.
4. Государственный архив Волгоградской области (далее - ГАВО).- Ф.2801, -Оп.1с.-Д.41.- Л.57-58.
5. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО).- Ф.113.- Оп.23. -Д.72.-Л.11.
6. Волков И.М. Засуха, голод 1946-1947 гг./И.М.Волков//История СССР.- 1991.-№4.- С.113.
7. ЦДНИВО. - Ф.113. - Оп.2.- Д.4924.- Л.1. - Письмо Буровой Г.В., г. Сталинград, Дар-Гора, ул. Цыганская, д. 42
8. Меркурьева В.С. Социальная защита детей-сирот в Сталинградской области: государственные попечительские учреждения (1943 – начало 1950-х гг.) /В.С.Меркурьева// Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство».-Волгоград, 2008.- № 3.- С. 119.
9. Кузнецова Н.В. Уровень заболеваемости и смертности населения Нижнего Поволжья в условиях голода 1946 – 1947 гг. / Н.В.Кузнецова —Волгоград: Издательство Вестник Волгоградского государственного университета, 2010. –С.38.
10. ЦДНИВО.- Ф.113.-Оп.24.- Д.63.- Л.14.
11. ГАВО.- Ф.3969.- Оп.1.-Д.13.-Л.1.
12. ГАВО.- Ф.3969.- Оп.7.-Д.39.- Л.43.
13. ГАВО. -Ф.2672.- Оп.1.-Д.226.- Л.16.
14. ЦДНИВО.- Ф.113.- Оп.2.- Д.4924.- Л.29. Письмо Варыкина П.К. Сталинградская обл., Н-Чирский р-н, х. Демкин

15. ЦДНИВО.- Ф.113.- Оп.2.- Д.4924.- Л.36. Письмо Ленькова Л.И.,
Сталинградская обл., Нехаевский р-н, с. Упорники.